
ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая
ПОКИНУТЫЕ
7

Часть вторая
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЕТЕР
83

Часть третья
КИРПИЧИК ЗА КИРПИЧИКОМ
173

Часть четвертая
НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ
311

Часть пятая
КОРОЛИ И КОРОЛЕВЫ
393

Часть шестая.
ДЕЙСТВИЕ И ЭХО
513

*Холли и Сафе, которые помогали мне строить;
Ною, укрепившему стены;
И Джо, укрепившему меня.*

ГРИШИ

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ

МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(*Орден живых и мертвых*)

Сердцебиты
Целители

ЭФИРЕАЛЫ
(Орден Заклинателей)

Шквальные
Инферны
Проливные

СУБСТАНЦИАЛЫ
(Орден Фабрикаторов)

Прочники
Алкемы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОКИНУТЫЕ

РЕТВЕНКО

Ретвенко навалился на барную стойку и уткнулся носом в свой грязный стакан. Даже виски не могло его согреть. Ничто не согревало в этом покинутом всеми святыми городе. И не было спасения от удушающей вони, мешанины запахов трюмов, гниющих моллюсков и мокрых камней, которые, казалось, впитались в его поры, словно он погрузился в самую сущность этого города и настоялся в ней, как чашка самого отвратительного чая в мире.

Особенно это было заметно в такой жалкой дыре, как Бочка, — в маленьком кабаке, теснившемся на нижнем этаже одного из самых мрачных жилых домов в трущобах. Его и без того плохо сложенный потолок просел под натиском дурной погоды, балки почернели от сажи с каминна, который давно перестали топить, а дымоход забился мусором. Пол покрывал слой опилок, чтобы впитывать пролитые напитки, рвотные массы и все остальное, что посетители бара не могли удержать. Ретвенко задумался, гадая, когда же здесь в последний раз подметали. Затем еще глубже сунул нос в стакан, вдыхая сладковатый аромат дешевого виски. От этого у него заслезились глаза.

— Его нужно пить, а не нюхать, — хохотнул бармен.

Ретвенко опустил стакан и посмотрел на мужчину затуманенным взором. У того была толстая шея и широкая, похожая на бочку грудь — настоящий громила. Ретвенко не раз наблюдал, как бармен вышвыривал шумных посетителей на улицу, однако трудно было воспринимать всерьез человека, одетого по той нелепой моде, которую предпочитали молодые люди в Бочке. На бармене была розовая рубашка, рукава которой едва не трескались на огромных бицепсах, и пестрый красно-оранжевый клетчатый жилет. Он выглядел как расфуфыренный, полинявший краб.

— Скажи мне, — начал Ретвенко. Его керчийский и без того был далек от совершенства, а после пары опустошенных стаканов и подавно. — Почему этот город смердит? Как прокисший суп? Или раковина с грязной посудой?

Бармен снова рассмеялся.

— Таков наш Кеттердам. Ты привыкнешь.

Ретвенко покачал головой. Ему не хотелось привыкать ни к городу, ни к его зловонию. Работа на советника Худе нагоняла скуку, но, по крайней мере, в его комнате всегда было тепло и сухо. Как ценному гришу ему обеспечивали уют и сытый желудок. В те времена он проклинал Худе, перегоняя через море принадлежавшие советнику корабли с ценным грузом. Ретвенко возмущали условия его договора — глупой сделки, на которую он согласился, чтобы сбежать из Равки после гражданской войны. Но что теперь? Теперь он частенько вспоминал о мастерской гришей в доме советника, о весело горящем огне в очаге, черном хлебе с маслом и толстыми кусками ветчины. После смерти Худе керчийский Торговый совет позволил Ретвенко ходить в рейсы, чтобы он мог выплачивать долг. Получал гроши, но какие еще у него были варианты? Он был шквальным-гришом во враждебном городе, без каких-либо навыков, помимо своих врожденных способностей.

— Еще? — спросил бармен, показывая на пустой стакан.

Ретвенко помедлил с ответом. Не стоило тратить деньги. Если он будет правильно распоряжаться своими финансами, достаточно наняться еще на один рейс, может, на два, и тогда ему хватит сбережений, чтобы выплатить долг и купить билет в Равку, в каюту третьего класса. Это все, что ему нужно.

Меньше чем через час он должен появиться на причале. Сегодня обещают бурю, так что экипажу понадобится Ретвенко, который укротит порывы ветра и спокойно доставит их корабль невредимым в нужный порт. Он не знал, в какой именно, и ему было плевать. Капитан назовет координаты, Ретвенко надует паруса или успокоит небо. А затем получит гонорар. Но ветер еще не поднялся. Может, ему удастся проспять первую часть рейса? Он постучал по стойке и кивнул. Что ж тут поделаться? Он заслуживал хоть какого-то утешения в этом мире.

— Я вам не мальчик на побегушках, — пробормотал шквальный.

— Что-что? — спросил бармен, наливая в стакан.

Ретвенко лишь отмахнулся от него. Этому человеку, неотесанной деревенщине, никогда его не понять. Он прозябал в тени. И на что надеялся? На лишнюю монету в кармане? На кокетливый взгляд симпатичной девушки? Ему ничего не известно о военной славе, о том, что значит быть почитаемым.

— Ты равкианец?

Даже несмотря на туман в голове из-за выпитого виски, Ретвенко насторожился.

— А что?

— Ничего. Просто акцент у тебя равкианский.

Ретвенко велел себе расслабиться. В Кеттердам приезжало множество равкианцев в поисках работы. Ничто в нем не выдавало гриша. Собственная трусость вызывала отвращение — к себе, к бармену, к этому городу.

Ему хотелось просто сидеть и наслаждаться выпивкой. В баре было пусто, так что и опасаться некого, и, несмотря

на внушительные мышцы бармена, Ретвенко знал, что легко с ним справится. Но когда ты гриш, даже стоять на месте — значит нарываться на неприятности. В последнее время ходили слухи об участившихся случаях похищений в Кеттердаме — гриши исчезали прямо на улице или в своих домах. Наверняка их хватали работорговцы и продавали по самой высокой цене. Ретвенко не допустит, чтобы подобное случилось с ним, ведь он так близок к возвращению домой.

Он осушил стакан виски одним глотком, стукнул монетой по стойке и встал со стула. Чаевых не оставил. Пускай сам зарабатывает на жизнь.

Выйдя наружу, Ретвенко ощутил головокружение, и от влажного вонючего воздуха не становилось лучше. Он опустил взгляд в землю и направился к Четвертой гавани, надеясь, что прогулка поможет проветрить голову. «*Еще два рейса*», — повторял он себе. Еще пару недель в море, пару месяцев в этом городе. Как-нибудь да выдержит. Он гадал, ждут ли его старые друзья в Равке. Поговаривали, что юный король раздает помилования, как конфеты, желая поскорее восстановить Вторую армию гришей, которую уничтожили во время войны.

— Еще два рейса, — снова сказал он себе, топая ботинками по влажной весенней земле.

Как может быть так холодно и сыро в это время года? Жить здесь — все равно что оказаться зажатым в холодной подмышке ледяного гиганта. Ретвенко пошел вдоль Графканала и вздрогнул, увидев остров Черной Вуали, спрятанный в излучине. Когда-то именно там, в маленьких каменных домиках, стоящих над водой, керчийские богачи хоронили своих умерших родственников. Из-за особенностей климата остров постоянно был окутан зябкой мглой, и ходили слухи, что на нем обитают призраки. Ретвенко ускорил шаг. Он не был суеверным, — и с силой гриша ему нет причин опасаться того, что могут скрывать тени, — но кому нравится гулять рядом с кладбищем?

Он закутался в пальто и быстро пошел по улице Хафенштрат, внимательно следя за движениями в каждом переулке. Скоро он вернется в Равку, где сможет бродить по городу без всякого страха. Если, конечно, его помилуют.

Ретвенко неловко поехался в своем пальто. Эта война настроила одних гришей против других, и его сторона отличилась особой жестокостью. Он убивал бывших товарищей, мирных жителей, даже детей. Но что сделано, то сделано. Король Николай нуждался в армии, а Ретвенко был очень хорошим солдатом.

Он коротко кивнул стражнику, сидевшему в маленькой будке у входа в Четвертую гавань, и оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что за ним никто не следует. Затем прошел мимо грузовых контейнеров к докам, нашел нужный причал и встал в очередь, чтобы записаться у первого помощника. Ретвенко знал его по прошлым рейсам — вечно недовольный и в скверном настроении человек с тощей шеей, торчащей из воротника пальто. Он держал толстую пачку документов, и Ретвенко заметил фиолетовую восковую печать одного из членов Торгового совета. В этом городе подобные печати ценились больше золота и гарантировали лучший причал в гавани, а также привилегированный доступ к докам. Почему же советники получали такое преимущество? Из-за денег. Их деятельность приносила Кеттердаму прибыль. В Равке быть могущественным значило нечто большее. Там стихии повиновались воле гришей, и страной правил настоящий король, а не кучка выскочек-торговцев. Правда, Ретвенко пытался свергнуть отца этого короля, но сути это не меняло.

— Экипаж пока не готов, — сказал первый помощник, когда Ретвенко назвал свое имя. — Можешь погреться в конторе начальника порта. Мы ждем сигнала от Совета приливов.

— Рад за вас, — невозмутимо ответил Ретвенко.